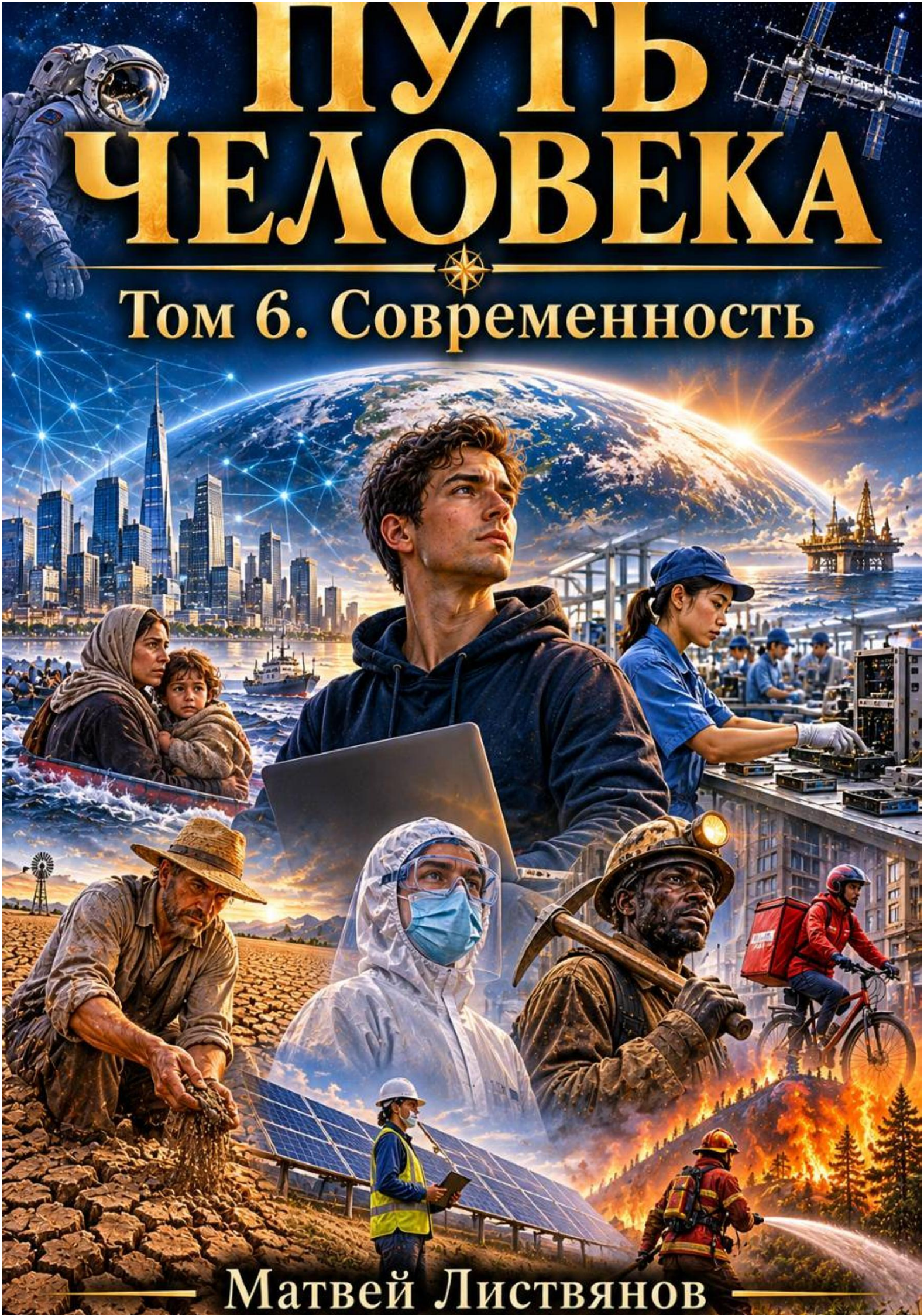
ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА

Том 6. Современность

Матвей Листвянов

Матвей Листвянов

Путь человека. Том 6. Современность

«Автор»
2026

Листвянов М.

Путь человека. Том 6. Современность / М. Листвянов — «Автор», 2026

Четырнадцать глав о мире, который читатель узнаёт в деталях собственнойжизни: программист стартапа Кремниевой долины, женщина-беженка,пересекающая Средиземное море, шахтёр кобальта в Конго, добывающий сырьёдля чужих телефонов, курьер платформенной экономики, заключённый системымассового тюремного заключения. Главы здесь связаны почти незаметныминитями — например, судьба нефтяника и судьба фермера сходятся из-за климата,— показывая, что глобализация делает весь мир одной системой с общимипоследствиями. Завершающий, самый злободневный том цикла «Путь человека».Все совпадения имён случайны. Не является на 100% исторически достоверной.

© Листвянов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Программист стартапа Кремниевой долины 7
Рабочий сборочного завода в Юго-Восточной Азии 12
Космонавт на борту МКС 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Матвей Листвянов
Путь человека. Том 6. Современность

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА
Том 6. Современность

Матвей Листвянов

Содержание

Программист стартапа Кремниевой долины
Рабочий сборочного завода в Юго-Восточной Азии
Космонавт на борту МКС
Женщина-беженка, пересекающая Средиземное море
Фермер в зоне климатического кризиса
Медсестра в «красной зоне» пандемии
Шахтёр кобальта в Демократической Республике Конго
Курьер платформенной экономики
Модератор контента социальной сети
Нефтяник на буровой платформе
Инженер солнечной электростанции в пустыне
Житель тонущего тихоокеанского острова
Пожарный, тушащий лесные пожары
Заключённый системы массового тюремного заключения

Программист стартапа Кремниевой долины

Кевин Лин родился в Синьчжу, на севере Тайваня, в районе, где воздух даже в раннем детстве пах чем-то более абстрактным, чем море или рисовые поля, — озоном от кондиционеров и растворителями, которые тянулись из вентиляции близлежащих заводских корпусов. Город строился вокруг одного ресурса — кремния. В нескольких километрах от роддома, где он появился на свет в 1991 году, стояли корпуса научного парка, где круглые сутки, в три смены, тысячи инженеров и операторов выращивали кристаллы и резали их на пластины для будущих процессоров. Отец Кевина был одним из этих инженеров, хотя архитектуру чипов не изобретал — его обязанностью было следить за тем, чтобы линия травления не остановилась ни на минуту. Мать вела бухгалтерию в компании поменьше, поставлявшей заводу упаковочные материалы. Семья жила в типовой квартире в доме для заводских специалистов — не бедно, но и без претензий: холодильник, вентилятор, велосипеды для выходных поездок к морю.

Когда Кевину было шесть лет, отца перевели по контракту в Калифорнию — на завод, производивший похожую, но более специализированную продукцию для американских заказчиков. Виза H-1B, которую отец получил после третьей попытки, означала не просто смену часового пояса, а смену всей системы координат: из города, где все вокруг говорили на одном языке и ели одну и ту же еду, семья переехала в пригород Сан-Хосе, где соседями оказались индийские программисты, мексиканские садовники и несколько таких же тайваньских семей, уже прошедших этот путь на пару лет раньше. Дом был меньше тайваньской квартиры, но имел собственный гараж и лужайку — символ, который родители Кевина восприняли серьёзнее, чем размер самого жилья.

В американской школе Кевин первые два года почти не говорил на уроках: английский он понимал, но панически боялся собственного акцента. Родители компенсировали эту неуверенность единственным доступным им способом: дополнительными занятиями. По субботам — китайская школа для сохранения языка, по воскресеньям — репетитор по математике, который гонял его через задачники на два класса вперёд общепринятой программы. Отец считал, что инженерная профессия — это страховка от любого кризиса: «Чип всегда нужен чипу, — говорил он, перевирая метафору, — а человек, который его разрабатывает, не бывает безработным». Мать настаивала на музыке — Кевин до тринадцати лет учился на фортепиано, хотя ни разу не испытывал к этому инструменту ничего похожего на привязанность.

Школьная социализация давалась тяжелее учёбы. В классе из тридцати детей таких, как он, — недавно приехавших, говорящих с запинкой, — было ещё трое, и учительница, желая помочь, иногда сажала их за один стол, отчего они, наоборот, становились более заметной и обособленной группой. На переменах Кевин чаще сидел с книгой, чем присоединялся к баскетболу, в который здесь играли почти все; дома за ужином он пересказывал родителям английские слова, значения которых не понял за день, а родители, сами с трудом справлявшиеся с языком, не всегда могли объяснить разницу. Единственным местом, где происхождение и акцент не имели значения, оказался экран компьютера, купленного отцом по случаю переезда, — там код одинаково слушался что ребёнка иммигрантов, что местного подростка.

Переломный момент настиг его дома: соседский мальчик показал ему, как редактировать файлы конфигурации в компьютерной игре — менять параметры брони, скорость передвижения персонажа, невидимые для обычного игрока переменные, зашитые в текстовые файлы. Для девятилетнего Кевина это стало первым опытом, в котором мир вокруг оказался не данностью, а кодом, который можно переписать. Он начал скачивать бесплатные среды разработки, по вечерам сидел на форумах, где пятнадцатилетние подростки из разных концов света объясняли друг другу синтаксис языков программирования на ломаном английском, и этот общий, ничей язык скобок и точек с запятой давался ему легче, чем разговорный английский в школьном

коридоре. К двенадцати годам он написал свой первый работающий модификатор для простой стратегической игры — текстовый файл, который добавлял новый юнит. Когда мод скачали за первую неделю больше тысячи раз, родители, до того относившиеся к компьютеру как к источнику отвлечения от учёбы, пересмотрели позицию: баловство на глазах превращалось в подобие будущей профессии. Отец, впрочем, тут же завёл привычку спрашивать, сколько Кевину заплатили за скачивания, и долго не мог поверить, что интернет устроен так, что за это не платят ничего.

Кевин поступил в Калифорнийский университет в Беркли на специальность «информатика» — успех, который его отец отмечал звонками едва ли не всем родственникам на Тайване. Университет оказался устроен иначе, чем он себе представлял: меньше лекций о теории и куда больше неформального давления попасть на стажировку в одну из крупных технологических компаний залива ещё до выпуска. Первое лето он провёл на неоплачиваемом проекте в студенческой лаборатории, второе — стажёром в крупной технологической компании залива, где его распределили в команду, отвечавшую за внутренние инструменты аналитики. Там он впервые увидел, как выглядит код, написанный сразу сотнями инженеров: ревью каждой строчки, автоматические тесты, которые запускались тысячи раз в день, и культура, в которой личная гордость за элегантное решение значила меньше, чем предсказуемость и читаемость для следующего, кто будет чинить этот код через два года.

После диплома в 2013 году он остался в той же корпорации на постоянную позицию — зарплата, о которой его отец на заводе в Синьчжу не мог и мечтать, акции компании, бесплатные обеды и щедрая, по меркам любой другой отрасли, корпоративная инфраструктура, рассчитанная на то, чтобы инженер проводил на территории кампуса как можно больше часов в сутки. Собеседования, через которые пришлось пройти ради этого места, сами по себе были отдельной школой: пять часов подряд, по сорок пять минут на каждого интервьюера, у доски с маркером, где нужно было на ходу придумывать алгоритм сортировки миллионов записей так, чтобы он не упал на нагрузке, и объяснять ход мысли вслух, пока незнакомый инженер молча записывал в блокнот каждое слово. Кевин готовился к этим собеседованиям полгода, разбирая сотни типовых задач по вечерам после занятий, потому что знал: мест в несколько раз меньше, чем желающих выпускников из одного только Беркли.

Три года он проработал там инженером среднего звена, дорос до того уровня, когда мог сам выбирать проекты, и обнаружил ровно то, чего больше всего боялся в двадцать два: предсказуемость. Крупная компания гарантировала стабильность, но решения принимались комитетами, а между идеей и её воплощением в продукте, который увидят пользователи, проходили месяцы согласований. На одной из внутренних встреч, куда пригласили бывшего однокурсника, уже год как ушедшего в маленький стартап, Кевин услышал фразу, которая показалась ему одновременно пугающей и притягательной: «У нас нет времени на комитеты. У нас есть восемнадцать месяцев, после которых деньги заканчиваются, и тогда либо мы что-то доказали инвесторам, либо компании нет».

В 2016 году Кевин уволился из корпорации и стал четвёртым по счёту сотрудником стартапа, разрабатывавшего программное обеспечение для автоматизации логистических складов — систему, которая должна была подсказывать операторам погрузчиков оптимальный маршрут по складу и предсказывать нехватку товара за недели до того, как это замечал человек. Офисом служило арендованное помещение бывшего автосервиса в Сан-Матео: голые кирпичные стены, два ряда столов из ИКЕА, холодильник с энергетическими напитками вместо кухни ресторанного уровня, к которой он привык в корпорации. Зарплата упала почти вдвое. Взамен он получил долю компании — цифру на бумаге, которая могла превратиться в состояние, а могла не стоить ничего.

Логика венчурного финансирования, которую Кевин выучил не по учебникам, а на практике, устроена жёстко и просто. Основатели привлекают деньги фонда под обещание роста —

раунд посевных инвестиций, затем раунд A, раунд B и так далее, и каждый раунд должен подтверждать, что компания растёт быстрее, чем тратит. Деньги, которые стартап получает, — это не выручка, а аванс под будущее, топливо, которого хватает на определённое число месяцев работы при текущих тратах на зарплаты, серверы и аренду. Эту цифру в индустрии называют runway — взлётная полоса. У стартапа Кевина после посевного раунда она составляла ровно восемнадцать месяцев. Если за это время команда не докажет инвесторам следующего раунда, что продукт нужен рынку и растёт достаточно быстро, — компания закрывается, а два десятка сотрудников ищут новую работу.

На бумаге будни считались ненормированными — приходить можно было когда угодно; на практике вечерние созвоны с клиентами на восточном побережье и с разработчиками, нанятыми на аутсорс в Восточной Европе, означали, что рабочий день растягивался до полуночи. Кевин писал бэкенд — серверную часть системы, которая обрабатывала потоки данных со складских сканеров в реальном времени. Код он называл «живым» не в переносном смысле: ошибка в нём останавливала реальный погрузчик на реальном складе клиента, и телефон генерального директора звонил через пять минут. Обеды заменялись сэндвичами за рабочим столом, отпуск за два года существования компании Кевин брал один раз — на три дня, и то под давлением со стороны соучредителей, которые заметили, что он не спал нормально несколько недель подряд.

В команде из двадцати с небольшим человек к концу второго года работали инженеры из шести стран — украинец, отвечавший за мобильное приложение, бразильянка, писавшая интеграции с клиентскими базами данных, индиец на позиции директора по продукту, не говоря уже о самом Кевине с его тайваньским паспортом детства. Визовый статус у половины команды зависел от того, выживет ли компания следующий квартал: виза H-1B привязана к работодателю, и увольнение для иностранного инженера запускало гонку на считаные месяцы, прежде чем легальный статус в стране истечёт. Это обстоятельство — редко проговариваемое вслух, но известное каждому — придавало разговорам о runway компании совершенно не абстрактный смысл: речь шла не только о деньгах инвесторов, но и о праве находиться в стране для доброй половины людей за соседними столами.

К пятнадцатому месяцу существования компании касса стартапа показывала цифру, которую финансовый директор — тоже, по сути, один из инженеров, временно взявший на себя эту роль, — обводил в таблице красным. Переговоры с фондом о раунде A тянулись уже четыре месяца: партнёры фонда приходили на демонстрации продукта, кивали, задавали вопросы о темпах роста выручки и уходили, не давая ни да, ни нет. У компании оставалось, по самым оптимистичным расчётам, чуть больше шести недель до момента, когда нечем будет платить зарплату.

Генеральный директор назначил встречу с крупнейшим потенциальным клиентом — сетью дистрибьюторских складов на Среднем Западе — не через две недели, как изначально планировалось, а через четыре дня, подгадав её к визиту того самого венчурного фонда, который колебался с решением. Логика была простой и отчаянной: если фонд увидит живого крупного клиента, готового подписать контракт на внедрение системы по всей сети складов, сомнения в способности стартапа расти исчезнут сами собой. Проблема заключалась в том, что система в её текущем виде не выдерживала объём данных, который генерировала сеть такого масштаба: тестовая среда падала при нагрузке, втрое меньшей той, что требовалась для демонстрации.

Следующие трое суток Кевин почти не выходил из офиса. Спал по два-три часа на надувном матрасе, который кто-то притащил ещё в первый месяц работы компании «на всякий случай», и этот случай наконец настал. Он переписывал модуль обработки очередей заявок — часть системы, отвечавшую за то, чтобы сотни сигналов от сканеров склада не создавали затор в базе данных, — три раза с нуля, потому что первые два подхода давали прирост производитель-

ности, недостаточный для нужного масштаба. На исходе вторых суток, в четыре утра, тестовый прогон с синтетически сгенерированной нагрузкой, имитирующей объём данных реальной сети складов, впервые прошёл без сбоя. Кевин разбудил сооснователя звонком и, не здороваясь, продиктовал ему цифры задержки отклика. В ответ услышал только долгое молчание, а потом — нервный смех облегчения.

Демонстрация клиенту и партнёрам фонда прошла на следующий день в переговорной, которую для такого случая арендовали в коворкинге соседнего квартала — своей достаточно представительной в офисе-автосервисе не было. Кевин сидел в заднем ряду с ноутбуком на коленях, готовый в любую секунду вмешаться, если что-то пойдёт не так на сервере, который он поддерживал удалённым доступом, а рядом, держа в руке остывший кофе, молча ждала финансовый директор-инженер, которая три дня назад первой обвела красным цифру на счету компании. Генеральный директор, обычно уверенный до развязности, в то утро дважды переспросил Кевина, точно ли система выдержит те самые нагрузки, которые ночью едва не положили сервер набок. Система выдержала нагрузку. Клиент задал несколько жёстких вопросов о надёжности и безопасности данных, получил внятные ответы и на следующей неделе подписал письмо о намерениях. Фонд закрыл раунд А через три недели — на сумме, которой компании хватило почти на два следующих года работы. Кевин тогда впервые осознал, что те самые восемнадцать месяцев, которые висели над компанией с первого дня, не метафора и не маркетинговый приём инвесторов, а вполне реальная граница между существованием и исчезновением десятков судеб, включая его собственную.

С будущей женой, Джессикой, учительницей начальных классов в школьном округе Сан-Матео, Кевин познакомился через приложение для знакомств — способ, ставший в его поколении настолько обычным, что никто уже не считал нужным это скрывать. Первые месяцы встреч проходили урывками: Кевин переносил свидания на более поздний час, когда получалось вырваться из офиса, и дважды отменял их в последний момент из-за аварийных ситуаций на сервере. Джессика, выросшая в семье учителей и медсестёр, где рабочий день заканчивался в пять вечера, поначалу не понимала этой логики и один раз прямо сказала, что не собирается строить отношения с человеком, у которого телефон важнее человека напротив. Разговор получился тяжёлым, но именно после него Кевин начал осознанно выключать уведомления по вечерам хотя бы два раза в неделю.

Поженились они через четыре года после знакомства, когда стартап уже прошёл раунд А и нанял достаточно людей, чтобы Кевин перестал быть единственным, кто мог починить упавший сервер среди ночи. Свадьбу сыграли скромную, на полсотни гостей, в основном за счёт родителей с обеих сторон — акции стартапа на тот момент существовали только на бумаге и не могли быть обналичены. Детей супруги отложили на потом: сначала — потому что Кевин не представлял, как совмещать ребёнка с темпом стартапа, а когда первый стартап остался позади, выяснилось, что откладывать в его профессии можно было ещё долго. Через несколько лет, уже в одной из более поздних компаний, повторился тот же сценарий на новом витке: она прошла ещё два раунда финансирования, штат вырос до полутора сотен человек, а вместе с ростом пришли и новые виды неопределённости — слияние с конкурентом, смена генерального директора, два раунда сокращений, из которых Кевина оба раза не коснулись, но которые заставили его считать себя скорее везучим, чем незаменимым. Первый ребёнок, дочь, родился, когда Кевину было тридцать семь — уже в той, более поздней, компании, в возрасте, типичном для инженеров его круга, которые предпочитают сначала стабилизировать карьеру, а потом уже семью, даже если эта стабилизация никогда не наступает полностью.

На момент, когда пишется эта история, Кевину немного за сорок, и ни старость, ни смерть не являются для него свершившимся фактом — но контуры вероятной дальнейшей судьбы в индустрии, которой он посвятил жизнь, проступают достаточно отчётливо, чтобы их описать. Кремниевая долина не любит стареющих инженеров того типа, что пишет код руками: после

сорока пяти — пятидесяти большинство его бывших коллег либо переходят в управление, переставая сами программировать и становясь руководителями команд, либо открывают собственное небольшое дело — консалтинг, свой маленький стартап уже без иллюзий о венчурных миллиардах, либо, если накопленных по пути акций и опционов хватило на один удачный выход компании через поглощение или размещение на бирже, уходят на покой куда раньше официального пенсионного возраста, в те же пятьдесят, с суммой, которая в любой другой профессии потребовала бы работы до семидесяти.

Первый стартап Кевина закрылся спустя шесть лет после его прихода, когда рынок логистического софта консолидировался вокруг двух крупных игроков, и компания продалась одному из них не триумфально, а скромно — большую часть команды распустили, акции Кевина конвертировались в сумму, достаточную на первый взнос за дом, но не на безбедную жизнь. Он успел поработать ещё в двух стартапах после этого — один закрылся через год без всякого раунда B, второй существует до сих пор, и Кевин, разменявший пятый десяток, занимает там позицию технического руководителя, уже не пишет код по ночам сам, а распределяет задачи между инженерами вдвое младше себя, которые смотрят на него примерно так же, как он когда-то смотрел на первого сооснователя, сказавшего ему про восемнадцать месяцев.

Статистика, которую он иногда вспоминает, не обещает ничего определённого: подавляющее большинство стартапов, в которых он успел или ещё успеет поработать, не доживут до десятилетнего юбилея в том виде, в каком были основаны. Родители Кевина, давно вышедшие на пенсию и вернувшиеся доживать век в Синьчжу, до сих пор не вполне понимают, чем именно зарабатывает на жизнь их сын: отцу, проработавшему тридцать два года на одном заводе и получившему за это полагающуюся по тайваньским меркам пенсию и благодарственную грамоту от руководства, мир, где компания может исчезнуть за полтора года, а человек при этом считается успешным, кажется устроенным ненадёжно. Кевин в такие разговоры обычно не вступает — объяснить логику венчурного капитала человеку, всю жизнь проработавшему на линии травления кремниевых пластин, труднее, чем написать любой код.

Дочь Кевина растёт, зная о работе отца примерно то же, что он в её возрасте знал о работе своего, — что-то про компьютеры, про людей, которые иногда исчезают из её жизни («там дядя Раджив теперь работает в другом месте, он больше не придёт на день рождения»), про бесконечные вечерние созвоны за закрытой дверью кабинета. Вероятнее всего, его собственный профессиональный путь завершится не единственным триумфом, а серией таких исчезновений и новых начинаний — компания за компанией, раунд за раундом, восемнадцать месяцев за восемнадцатью месяцами, — пока в какой-то момент один из этих раундов не окажется последним, в котором он согласится участвовать, и он не выйдет из этой гонки сам, на своих условиях, что в его профессии уже можно будет считать редкой удачей.

Рабочий сборочного завода в Юго-Восточной Азии

Нгуен Тхи Лан родилась в 1998 году в деревне на рисовой равнине провинции Тханьхоа, в центральном Вьетнаме, в двух часах езды на автобусе от уездного городка и ещё в нескольких сотнях километров — от промышленной зоны в провинции Бакнинь под Ханоем, где к тому времени, когда ей исполнилось шестнадцать, уже выросли корпуса заводов-гигантов, собиравших смартфоны для мировых брендов, хотя сама Лан тогда ни разу не держала в руках ни одного из этих устройств. Семья жила тем, чем жили вокруг все: отец и дед выращивали рис на нескольких сао арендованной земли, мать разводила свиней и временами нанималась на подённую работу к соседям победнее. Дом — кирпичный, с жестяной крышей, — родители достроили в тот год, когда Лан родилась, на деньги, которые отец заработал несколькими годами раньше на заработках в Хошимине. Рождение дочери, а не сына, в семье приняли спокойно: к концу девяностых даже в небогатых деревнях центрального Вьетнама дочь, которая со временем начнёт присылать деньги из города, давно перестала считаться менее ценным вложением родительских сил, чем сын.

Собственного детства у Лан в привычном понимании было немного. Уже в четыре года, когда отец и мать оба на несколько месяцев уехали на заработки — отец на стройку в южную часть страны, мать на текстильную фабрику ближе к дому, — девочку оставили на попечение бабушки по отцовской линии, женщины, пережившей войну и голодные послевоенные годы и считавшей разговоры с ребёнком пустой тратой времени: куда важнее было вовремя кормить, одевать и, как только руки окрепнут, приучать его к посильной работе: прополке грядок, кормлению свиней, присмотру за младшим двоюродным братом. Явление, которое местные учителя и социальные работники уже тогда начали называть «дети, оставленные родителями на заработках», в деревне Лан было скорее нормой, чем исключением: из тридцати с небольшим детей в её классе начальной школы родители постоянно жили дома едва ли у половины.

Раз в год, перед праздником Тет, родители возвращались домой — и тогда две-три недели напролёт в доме стояла атмосфера, которую Лан позже, уже взрослой, описывала как смесь радости и неловкости: мать привозила городские гостинцы, сладости в яркой обёртке, иногда одежду не по размеру, купленную на оптовом рынке рядом с фабрикой, но за год разлуки дочь и родители успевали отвыкнуть друг от друга настолько, что первые дни встречи больше напоминали знакомство, чем воссоединение. Бабушка в такие недели демонстративно отходила на второй план, хотя именно она весь год была для девочки главным взрослым, и Лан замечала, что это причиняет бабушке молчаливую обиду, которую та никогда не произносила вслух. Школа стояла в соседнем, более крупном селе, и туда ходили пешком — сорок минут в одну сторону по грунтовой дороге, которая после дождя превращалась в глину по щиколотку. Учились до обеда, после обеда — домашние дела и, в сезон, работа в поле: собирать колосья риса, оставшиеся после механизированной жатвы, присматривать за буйволом соседей. Рацион был простым и однообразным: рис, овощи с огорода, рыба из пруда за домом, мясо — по праздникам или когда резали свинью; к двенадцати годам Лан прочитала меньше книг, чем её городские сверстницы успевали прочитать к восьми, но умела готовить обед на семью, носить воду на коромысле и разбираться в сортах риса не хуже взрослых.

Девятилетнее обязательное образование Лан закончила в пятнадцать лет, и дальнейший путь был, по сути, предрешён задолго до выпускного экзамена: денег на продолжение учёбы в старшей школе в семье не было, а даже будь они — к тому времени в уезде уже работало агентство по трудоустройству, которое за комиссию от завода собирало партии молодёжи для промышленных зон под Ханоем и Хошимином, и устроиться через такое агентство на известный завод электроники в деревне считалось не меньшей удачей, чем поступление в институт для городского подростка. Мать, вернувшаяся в тот год из города специально ради этого разго-

вора, отговаривать не стала: сама она отработала почти два десятилетия на текстильной фабрике и считала завод электроники удачей по сравнению с тем, что досталось ей самой, — там платили больше, общежития были новее, а предприятие, пусть и иностранное, считалось в деревне образцовым работодателем. Отец молчал дольше, разглядывая вербовочный буклет с фотографиями чистых цехов и работниц в одинаковых антистатических халатах, а потом сказал только одно: что в его время такого выбора у деревенской дочери не было вовсе, и, значит, грех жаловаться.

Автобус с полусотней таких же пятнадцати-семнадцатилетних, завербованных в разных сёлах уезда, шёл до Бакниня почти сутки с остановками. Соседка по сиденью, девушка на два года старше, уже отработавшая на этом же заводе один срок и возвращавшаяся после побывки дома, всю дорогу давала Лан советы: какие смены считаются «лёгкими», у какого мастера линии лучше не проситься на участок, как быстрее всего накопить на зимнюю куртку — зимой в Бакнине куда холоднее, чем на родине Лан, — не экономя при этом на еде так, чтобы потом неделями не кружилась голова на ногах у конвейера. На проходной завода — комплекса такого размера, что внутри него работали собственные столовые, поликлиника, магазины и остановки внутризаводского автобуса, развозящего рабочих между десятками корпусов, — новоприбывших сначала распределили по общежитиям: восемь коек в комнате, тонкие перегородки, один санузел на этаж из нескольких десятков комнат. Затем — три дня вводного инструктажа: технику безопасности, правила обращения со статическим электричеством у линий сборки печатных плат, порядок действий при пожарной тревоге, и короткий курс по сборке простейшего узла — креплению разъёма, — который инструктор показывал раз двадцать подряд, пока движения новых работниц не становились автоматическими.

Линия, на которую определили Лан после испытательного месяца, собирала корпуса смартфонов — не целиком, а один узел конвейера из нескольких сотен операций, разделённых между сборочными цехами завода. Её конкретная операция заключалась в установке и фиксации шлейфа, соединяющего основную плату с экраном: деталь длиной в несколько сантиметров, которую нужно было взять пинцетом, совместить с разъёмом под определённым углом и зафиксировать защёлкой — движение, рассчитанное технологами на двадцать секунд, при нормативе в сто восемьдесят изделий в минуту для всего участка из полусотни работниц. Смена длилась одиннадцать часов, включая два коротких перерыва по пятнадцать минут и обеденный час; сверхурочные в пиковые месяцы перед выпуском новых моделей — почти всегда, с доплатой по установленному законом тарифу, которую, впрочем, большинство работниц воспринимали скорее как единственный способ накопить сколько-нибудь заметную сумму за год, чем как эксплуатацию.

В команде из нескольких десятков работниц участка к концу второго года трудились девушки из самых разных концов страны: кто-то, как сама Лан, из бедных рисоводческих провинций центрального Вьетнама, кто-то — из горных уездов северных провинций на границе с Китаем, где местным девушкам-представительницам этнических меньшинств вербовщики предлагали ту же работу как единственную реальную альтернативу подёнщине на горных полях; различия в говоре и обычаях между землячками из разных концов страны в общежитии ощущались сильнее, чем на самой линии, где общение сводилось к коротким репликам и жестам. Иностранные инженеры с завода — корейцы и тайваньцы, управлявшие технологическими процессами, — появлялись в цехах редко и общались в основном с вьетнамскими мастерами среднего звена, так что для рядовой работницы вроде Лан иерархия предприятия выглядела почти абстрактной: где-то наверху принимались решения о нормах и премиях, которые спускались к ней уже готовым приказом через мастера участка.

Будни устроены были по строгому ритму, почти монастырскому в своей регулярности: подъём в шесть пятнадцать, завтрак в заводской столовой — рисовая каша, иногда яйцо, — построение у проходной цеха к семи тридцати, бейдж, металлодетектор на входе, переодевание

в антистатический халат и шапочку. На линии разговаривать было можно, но негромко и не отрываясь от рук; раз в час мастер участка проходил вдоль конвейера, проверяя брак — покосившийся шлейф, непрочно зафиксированную защёлку, — и бракованное изделие снималось с линии, а работница, допустившая ошибку, получала устное замечание, при повторении — вычет из премиальной части зарплаты. Платили сдельно-повремённо: фиксированный оклад плюс премия за выполнение нормы плюс сверхурочные — конструкция зарплаты, которую Лан за первые полгода выучила считать в уме быстрее, чем таблицу умножения в школе.

Свободное время, которого в обычные недели было немного, а в сезон авралов — почти совсем, работницы проводили в общежитии: смотрели сериалы с телефона, который к тому времени был уже у каждой, писали сообщения родным в деревню. Раз в месяц, в выходной день, который у всей линии совпадал не всегда — администрация специально разводила графики отдыха по сменам, чтобы производство не останавливалось целиком, — Лан с двумя-тремя соседками по комнате ездила на заводском автобусе в рыночный посёлок неподалёку или, если удавалось скопить на билет, в сам Ханой. Деньги на такие вылазки откладывались заранее и тратились расчётливо: большая часть зарплаты, за вычетом еды и самого необходимого, уходила переводом в деревню — на содержание бабушки, на выплаты по кредиту, который родители взяли на ремонт крыши, на будущее приданое младшей сестры. Из трёх лет работы на заводе Лан ни разу не потратила на себя сумму больше той, что стоила недорогая зимняя куртка, хотя могла, — и объясняла это просто: иначе, по её словам, смысл всего этого труда терялся.

Осенью, в недели перед глобальным запуском продаж новой модели флагманского смартфона одного из брендов, для которого завод выполнял контрактную сборку, линию перевели на усиленный режим: смены продлили до двенадцати часов, выходные отменили на три недели подряд, а норму для участка подняли со ста шестидесяти до ста восьмидесяти изделий в минуту — рост, который на бумаге выглядел скромным, а в теле ощущался как разница между усталостью и изнеможением. Мастер участка объяснил рост нормы коротко: мировой релиз назначен на определённую дату, бренд уже разместил рекламу в десятках стран, и завод обязан по контракту поставить несколько миллионов единиц к этому сроку — сорвать дедлайн означало неустойку, которая по размеру была сравнима с годовым фондом зарплаты всего цеха.

На второй неделе аврала, в ночную смену, Лан почувствовала, что руки перестают её слушаться — не от боли, а от того особого онемения, которое наступает, когда одно и то же микродвижение повторяешь тысячи раз подряд без перерыва на полноценный сон вторые сутки. Пинцет выскользнул, шлейф лёг не под тем углом, плата пошла дальше по линии с дефектом, который заметили только на контроле тремя постами дальше. Мастер, разбирая случай, не накричал — повышать голос на подчинённых формально запрещалось внутренним регламентом завода, — но спокойно сообщил, что за смену у неё уже третий брак и премия за день сгорает. Лан, доведённая усталостью до того состояния, когда слёзы наворачиваются без видимой причины, вышла в туалет на пятиминутный перерыв и разрыдалась: за выговором скрывалось внезапное, пришедшее как озарение понимание, что она тоже часть той самой безостановочной линии, которая не имеет права на поломку.

Именно в ту осень, в разговорах в общежитии, старшие работницы — те, кто застал завод несколькими годами раньше, в период, когда о промышленных зонах такого масштаба писали в новостях в связи с забастовками на соседних предприятиях из-за условий труда и задержек премий, — рассказывали новеньким эти истории как предостережение и одновременно как знак того, что условия с тех пор изменились к лучшему: появился профсоюзный комитет, пусть и во многом формальный, горячая линия для жалоб, ограничение сверхурочных по закону, хотя в пиковые недели закон на практике соблюдался не всегда строго. К исходу третьей недели аврала квота была выполнена, линию вернули на обычный режим, а на заводской доске объявлений вывесили благодарственный лист с именами участков, перевыполнивших план, — среди

них значился и участок Лан. Премия за переработанные недели оказалась больше, чем она зарабатывала за два обычных месяца, и часть этих денег она в тот же вечер перевела отцу на ремонт свинарника — свидетельство того, что при всей тяжести этих недель они были не бессмысленны, а встроены в ту же экономическую логику, ради которой она когда-то села в автобус до Бакниня.

Будущего мужа, Чан Ван Хунга, наладчика оборудования из соседней провинции Нгеан, Лан встретила в заводской столовой на третий год работы: он чинил конвейерные механизмы в соседнем цехе, и их знакомство началось с того, что он помог ей разобраться с заевшим автоматом по продаже напитков. Ухаживания на заводе, где смены расписаны по часам, а свободное время — редкость, устроены не так, как в городе: свидания чаще всего сводились к совместному обеду в столовой или прогулке вдоль канала за территорией завода в единственный выходной день месяца, где по вечерам местные жители запускали воздушных змеев, а молодые рабочие с окрестных предприятий назначали свидания за неимением других мест, не требующих денег. Хунг оказался немногословным, но внимательным: заметив, что Лан несколько смен подряд приходит в столовую позже обычного и выглядит измотанной сильнее, чем в начале месяца, он без лишних слов стал занимать ей очередь за едой, чтобы она могла лишние пять минут посидеть, вместо того чтобы стоять в толпе из нескольких сотен рабочих, одновременно хлынувших на обед в единственный часовой перерыв.

Поженились они, когда Лан исполнился двадцать один год — по местным меркам возраст скорее поздний, чем ранний, что отчасти объяснялось нежеланием родителей торопить дочь, зарабатывающую семье реальные деньги, замужеством слишком рано. Свадьбу сыграли в родной деревне, с выездом из промышленной зоны на три дня — редкий случай, когда оба взяли отпуск одновременно, — и вернулись уже супругами, сняв, в отличие от большинства холостых коллег, не место в общежитии, а комнату в съёмном доме в рабочем посёлке за воротами завода, что давало немного больше уединения, но прибавляло ещё сорок минут пешком до проходной. Свадебный подарок от завода — небольшую денежную премию, которую предприятие по традиции выплачивало сотрудникам, регистрировавшим брак в период работы на нём, — молодожёны, вместо того чтобы обставить съёмную комнату, перевели родителям Хунга на ремонт колодца, что в деревне истолковали как добрый знак: невестка, умеющая прежде всего думать о семье мужа. Через два года родился сын; по заведённому в их среде и в их семьях обычаю, ребёнка на первые годы жизни отвезли в деревню к бабушке по материнской линии — тот же цикл «оставленных детей», в котором выросла сама Лан, повторился уже на следующем поколении, и она, провожая сына на автобусной станции, впервые по-настоящему поняла, что должна была чувствовать её собственная мать двадцать лет назад.

Здоровье на линии отслеживал заводской медпункт: раз в год — обязательный профилактический осмотр, бесплатный для сотрудников, где чаще всего обнаруживали проблемы со зрением от многочасовой работы с мелкими деталями под направленным светом ламп и ранние признаки туннельного синдрома запястья у работниц с большим стажем на одной и той же операции. Лан это коснулось на четвёртом году: врач порекомендовал ей после смены разминать кисть специальным эспандером и, по возможности, раз в несколько месяцев просить мастера о временном переводе на менее монотонную операцию — просьбу, которую администрация участка удовлетворяла не всегда охотно, поскольку переобучение новой операции означало временное падение общей выработки линии.

На момент этого повествования Лан немного за двадцать пять, и завод, где счёт готовым смартфонам идёт на сотни миллионов штук в год, остаётся самым крупным работодателем в её жизни — но индустрия контрактной сборки электроники устроена так, что место на линии не гарантирует работнице долгой карьеры в привычном смысле. Конвейерный труд физически рассчитан на молодых: зрение, скорость реакции пальцев, выносливость спины за столом сборки с годами ухудшаются, а линии постепенно автоматизируются — часть операций, кото-

рые ещё недавно выполняли вручную сотни женщин вроде Лан, роботизированные манипуляторы уже выполняют быстрее и без брака. Среди женщин её участка, кому за тридцать, Лан знает лишь двоих, кто всё ещё стоит у конвейера, — остальные к этому возрасту либо ушли на менее напряжённые должности внутри завода, контролёром качества или кладовщицей, либо вернулись в родные места; это наблюдение она воспринимает спокойно, как простой закон собственной профессии, вроде смены сезонов, и строит планы с учётом этого закона, а не вопреки ему.

Сама Лан рассчитывает проработать на линии ещё несколько лет, пока ребёнок не пойдёт в школу, а затем — перебраться вместе с мужем ближе к дому, в областной центр, где за последнее десятилетие выросли собственные небольшие производства, перенявшие часть заказов у заводов-гигантов севера страны: система регистрации по месту жительства — хо кхау, доставшаяся Вьетнаму от того же административного уклада, что и соседнему Китаю, — всё ещё ограничивает её доступ к местным социальным льготам и образованию для сына на общих основаниях там, где она фактически живёт и работает, и именно это обстоятельство, не меньше тоски по дому, в итоге подталкивает многих таких работниц вернуться туда, откуда они когда-то уехали подростками. Что до пенсии в привычном городском понимании — отчисления в государственный фонд социального страхования с завода у Лан идут, но в размере, который, по её собственным трезвым подсчётам, обеспечит в старости немногим больше, чем символическую сумму: настоящей опорой на старость, как и для её бабушки, по всей вероятности, станут не выплаты государства, а повзрослевшие дети — тот же уклад, который она застала ребёнком у кровати бабушки, вероятно ждёт и её саму через три-четыре десятилетия.

Космонавт на борту МКС

Виктор Ковалёв родился в 1980 году в Калуге — городе, который благодаря наследию Циолковского ещё с советских времён носил неофициальный титул «колыбели космонавтики», хотя сама семья к этой колыбели прямого отношения не имела. Отец работал инженером на заводе, выпускавшем турбины, мать — врачом в районной поликлинике. Семья жила в типовой трёхкомнатной квартире на окраине, обставленной скромно, но без того, что в соседних деревнях называли бы нуждой: Калуга советского периода была городом военно-промышленного комплекса, и инженерная зарплата отца обеспечивала достаток выше среднего по стране. Рождение Виктора пришлось на год московской Олимпиады, и бабушка по материнской линии, узнав об этом совпадении, полушутя пророчила внуку будущее, связанное с чем-то большим, чем районная жизнь, — пророчество, которое в семье вспоминали потом десятилетиями.

Город, где каждый третий взрослый так или иначе работал на предприятиях, связанных с авиацией или ракетной техникой, формировал особую атмосферу детства: в местном музее истории космонавтики, основанном ещё при жизни Циолковского, школьников водили на экскурсии едва ли не с первого класса, а разговоры взрослых за ужином нередко касались запусков, о которых в газетах писали скупо, но о которых вся Калуга узнавала раньше официальных сообщений через знакомых на профильных заводах. Виктор с восьми лет собирал модели самолётов и ракет из наборов, которые отец доставал через заводских сослуживцев, а по вечерам слушал, как сосед по лестничной клетке, отставной военный лётчик, рассказывал о перегрузках в центрифуге и ощущении невесомости на самолёте, выполняющем параболический манёвр, — рассказы, которые девятилетний мальчик запоминал дословно и пересказывал потом одноклассникам, безбожно их приукрашивая.

В школьном музее космонавтики, где макет первого спутника соседствовал со скафандром, списанным после одной из наземных тренировок, Виктор в двенадцать лет впервые увидел вблизи настоящий бортовой журнал космонавта шестидесятых годов — страницы, исписанные убористым техническим почерком, вперемешку с короткими личными пометками о самочувствии. Экскурсовод, бывшая сотрудница смежного конструкторского бюро, заметив неподдельный интерес мальчика, разрешила ему подержать журнал в руках — эпизод, который сам Виктор десятилетия спустя называл первым осознанным шагом к профессии, хотя тогда, разумеется, не формулировал это так явно даже для себя.

Учился Виктор хорошо, но без блеска, если не считать физики и математики, где неизменно был одним из первых в классе; куда заметнее была его физическая подготовка — с десяти лет он занимался в секции плавания, а позже увлёкся парашютным спортом в местном аэроклубе, куда его, в порядке исключения для несовершеннолетнего, взяли по настоянию того самого соседа-лётчика. К пятнадцати годам он совершил больше двадцати прыжков с парашютом — опыт, редкий для школьника даже в городе с такими традициями, — и твёрдо решил для себя, что станет лётчиком, а не инженером, как отец. Рацион семьи в девяностые, когда страна проходила через экономический слом, упростился заметно: мясо реже, крупы и картофель чаще, но родители, экономя на себе, настаивали, чтобы сын, уже тренировавшийся по два часа в день, получал полноценное питание, покупая творог и мясо отдельно для него, когда не могли позволить это для всей семьи.

После школы Виктор поступил в Качинское высшее военное авиационное училище лётчиков — один из немногих путей в профессию, не требовавший, в отличие от гражданской авиации девяностых годов, денег, которых у семьи не было. Училище, переживавшее вместе со страной трудные годы недофинансирования, давало, тем не менее, то, ради чего Виктор туда шёл: лётную практику на боевых учебных машинах, начиная с третьего курса, и ту особую дисциплину тела и воли, которую курсанты в шутку называли «выбиванием гражданского» —

отработку автоматических реакций в экстренных ситуациях до состояния, когда тело действует быстрее сознательной мысли. После выпуска в 2001 году он получил распределение в истребительный полк на Дальнем Востоке, где за семь лет службы налетал несколько сотен часов на учебно-боевых и боевых машинах, дослужился до звания капитана и получил квалификацию лётчика первого класса — необходимый, но ещё недостаточный порог для следующего шага, о котором он, по собственному признанию, задумался всерьёз только когда прочитал в профильном военном издании объявление о очередном наборе в отряд космонавтов.

Отбор растянулся почти на два года и состоял из той многоступенчатой системы фильтров, что сложилась в советской и затем российской космонавтике ещё при подготовке первого отряда: углублённое медицинское обследование, выявляющее малейшие отклонения в сердечно-сосудистой и вестибулярной системах, психологическое тестирование на устойчивость к изоляции и стрессу, экзамены по общекосмической подготовке и, наконец, заседание межведомственной комиссии, решение которой кандидат узнавал далеко не сразу после собеседования. Из нескольких сотен подавших документы по всей стране в тот набор зачислили меньше десятка человек, и Виктор, которому на момент зачисления было двадцать восемь, оказался среди них — известие, которое он получил телефонным звонком от председателя комиссии и которое запомнил до мельчайших деталей обстановки комнаты, где в тот момент находился.

Последовавшие шесть лет общекосмической и затем целевой подготовки в Центре подготовки космонавтов в Звёздном городке сложно назвать учёбой в привычном смысле — это была скорее многолетняя перестройка организма и психики под условия, которых подавляющее большинство людей никогда не испытывает. Центрифуга с перегрузками, вдвое и втрое превышающими те, что лётчик-истребитель переносит в обычном полёте; сурдокамера — звукоизолированное помещение, где кандидата на несколько суток оставляли в одиночестве без внешних стимулов, проверяя психологическую устойчивость к сенсорной депривации; гидролаборатория — огромный бассейн с макетом станции в натуральную величину, где будущие космонавты отрабатывали операции в скафандре, имитируя условия невесомости под водой, по шесть-восемь часов за тренировку; выживание в тайге зимой и в степи летом на случай нештатной посадки спускаемого аппарата вдали от расчётной точки. Параллельно шло изучение английского языка на уровне, достаточном для полноценной технической и бытовой коммуникации на борту международной станции, — требование, появившееся только с началом программы международного сотрудничества и обязательное для всех кандидатов вне зависимости от предыдущего образования. Для Виктора, выросшего в закрытом военном городе, где к иностранному языку относились скорее формально, этот предмет оказался неожиданно труднее центрифуги: экзаменующие преподаватели из профильного института придерживались стандарта, принятого американским партнёром по программе, и кандидат, не способный на орбите объяснить напарнику по-английски характер неисправности бортовой системы, не допускался к полёту вне зависимости от лётных и медицинских показателей. Отдельным этапом подготовки, который курсанты между собой называли «выживанием», были учения в тайге под Воронежем зимой и в степи под Саратовом летом — имитация внештатной посадки спускаемого аппарата далеко от расчётной точки, когда экипажу из нескольких человек предстояло в течение нескольких суток обустроить быт из подручных средств скафандра и аварийного комплекта, развести костёр на минимуме топлива и дождаться спасательной группы, ориентируясь только на радиомаяк.

Не менее серьёзным фильтром оказалась психологическая совместимость: пары и тройки будущих экипажей подбирали с учётом результатов многомесячных наблюдений за поведением кандидатов в условиях вынужденной изоляции и монотонного труда, поскольку опыт прежних десятилетий показал, что конфликт характеров, безобидный на земле, в замкнутом объёме станции способен подорвать работоспособность экипажа сильнее любой технической

неисправности. Виктора психологи характеризовали как человека с повышенной терпимостью к однообразию и низкой склонностью к конфликту в условиях усталости — качество, которое сам он относил скорее к результату многолетней лётной дисциплины, чем к врождённому темпераменту.

Первого полёта Виктор дожидался почти десять лет после зачисления в отряд — срок, типичный для российской космонавтики, где число готовых к полёту специалистов долгое время превышало число доступных мест в экипажах. Эти годы заполнялись дублирующей подготовкой к чужим экспедициям, работой инструктором для нового набора кандидатов и постоянным, выматывающим ожиданием решения госкомиссии, которое могло отодвинуться на очередной цикл по причинам, от космонавта никак не зависящим, — от технических проблем с кораблём до изменения политической конъюнктуры программы. Когда назначение на экспедицию наконец пришло, Виктору было тридцать семь, и следующие полгода прошли в интенсивной целевой подготовке конкретно под эту миссию: отработка стыковки на тренажёре, изучение научной программы, совместные тренировки с напарниками по экипажу — американцем и японкой, с которыми предстояло провести полгода в одном замкнутом объёме.

Старт происходил с Байконура, с той самой площадки, откуда уходил в полёт Гагарин, — обстоятельство, которое Центр подготовки сознательно подчёркивал в разговорах с журналистами, но которое для самого Виктора в момент посадки в корабль значило куда меньше, чем триста с лишним пунктов полётного задания, которые предстояло удерживать в голове. Выведение на орбиту занимало около девяти минут — от воспринимаемой тяжести почти четырёхкратной перегрузки при старте до внезапной, ничем не предвещаемой невесомости в момент отделения последней ступени, ощущение которой, по словам почти всех бывавших на орбите, не поддаётся словесному описанию заранее, сколько бы раз его ни объясняли на земле.

Международная космическая станция, куда стыковался корабль Виктора спустя двое суток полёта, к тому времени представляла собой конструкцию, выросшую за полтора десятилетия из модулей, собранных и доставленных на орбиту пятнадцатью разными странами: российский сегмент с модулями «Звезда» и «Заря», американский «Дестини», европейский «Коламбус», японский «Кибо» и ещё несколько узловых и грузовых модулей, пристыкованных друг к другу в конфигурацию, которая с земли казалась инженерной импровизацией, а изнутри воспринималась как единый, предельно продуманный дом. Жизнь на борту подчинялась жёсткому расписанию, расписанному по минутам диспетчерскими центрами обеих основных космических держав: подъём, медицинский контроль, два часа обязательных физических упражнений на беговой дорожке и силовом тренажёре — без них мышцы и кости за месяцы невесомости теряют массу темпами, несовместимыми с возвращением на землю без серьёзных последствий, — затем научная программа: эксперименты по биологии, материаловедению, физике жидкостей в невесомости, многие из которых проектировались учёными, никогда не встречавшимися лично с теми, кто их проводил на орбите.

Среди экспериментов, которые Виктор вёл в течение экспедиции, были выращивание кристаллов белка в условиях микрогравитации для последующего анализа структуры земными фармакологическими лабораториями, наблюдение за ростом проростков пшеницы в герметичной оранжерее — задел на будущие системы жизнеобеспечения долгих межпланетных полётов — и регулярные заборы собственной крови и слюны для многолетнего исследования влияния длительной невесомости на иммунную систему, результаты которого должны были обрабатывать уже после его возвращения на землю, а иногда и после завершения всей программы станции. Пятничные отчёты по научной программе он готовил по-английски для смешанной аудитории центров управления полётами в Хьюстоне и подмосковном Королёве одновременно, и несовпадение принятой в двух странах терминологии — там, где американские коллеги пользовались метрической системой через раз, а российские протоколы требовали её неукосни-

тельно, — порождало мелкие, но постоянные трения, которые обычно разрешались в итоге простой личной договорённостью двух бортинженеров по громкой связи.

На третий месяц экспедиции датчики зафиксировали падение давления в одном из стыковочных отсеков — утечку, не представлявшую немедленной угрозы жизни экипажа, но требовавшую выхода в открытый космос для осмотра и, при необходимости, ремонта внешней обшивки в месте предполагаемого повреждения микрометеоритом. Подготовка к выходу заняла почти двое суток: многочасовая предварительная подготовка в скафандре с дыханием чистым кислородом для вымывания азота из крови и предотвращения кессонной болезни, тщательная проверка каждого узла снаряжения напарником, многократное повторение последовательности операций на случай, если в разреженном вакууме что-то пойдёт не по плану, а помощь изнутри станции окажется физически невозможной.

Напарником по выходу был японский коллега по экипажу, и переговоры между ними велись на английском — третьем языке для обоих, — что в критический момент, когда понадобилось быстро согласовать последовательность действий у повреждённого участка обшивки, на несколько секунд создало заминку, впоследствии разобранную на разборе полёта как штатный, предусмотренный процедурами, но от этого не менее напряжённый эпизод. Выход длился шесть с половиной часов. Виктор, страхуемый фалом и держась за поручни внешнего корпуса станции, передвигался вдоль обшивки к месту предполагаемой утечки, одновременно удерживая в поле зрения показания датчиков скафандра и указания центра управления полётами, звучавшие в наушниках с небольшой, но ощутимой задержкой. В какой-то момент, меняя положение тела для доступа к нужному узлу, он на несколько секунд оказался развёрнут так, что прямо перед ним, без какой-либо рамки иллюминатора, открылась полная дуга планеты — из космоса Земля видна не плоской картой, а объёмным, медленно вращающимся шаром с чёткой границей терминатора, отделяющей дневную сторону от ночной, с грозовыми вспышками, беззвучно мерцающими в южном полушарии, и тонкой голубой полосой атмосферы по краю диска, за которой начиналась абсолютная, лишённая полутонов чернота. Повреждение обшивки нашли и временно загерметизировали подручными средствами до прибытия грузового корабля с нужными материалами; официальный отчёт о выходе занял в итоговой документации экспедиции меньше страницы, но именно эти несколько секунд над освещённой дугой планеты Виктор называл потом, в редких интервью, моментом, ближе всего подошедшим к тому, что верующие назвали бы религиозным переживанием, хотя сам он себя верующим не считал.

Будни станции в целом были устроены демонстративно не похоже на эпизодический драматизм выхода в открытый космос: совместные ужины в российском сегменте по пятницам, куда собирался весь интернациональный экипаж, обмениваясь консервированными деликатесами, привезёнными с родины каждого — вяленой рыбой, шоколадом, специями, которых не найти в стандартном пайке; празднование национальных праздников всех участников экспедиции вперемешку, независимо от того, что происходило в эти недели в новостных сводках на земле между странами, чьи флаги были нашиты на комбинезоны членов экипажа. Это обстоятельство — продолжение совместной работы на орбите вне зависимости от охлаждения отношений между правительствами внизу — Виктор называл не политическим жестом, а чисто практической необходимостью: станция держится на взаимозависимости системы жизнеобеспечения одного сегмента от другого, и разорвать эту связь на орбите значило бы поставить под угрозу жизнь всех шести человек на борту одновременно, вне зависимости от гражданства.

С будущей женой, Еленой, врачом из того же города, что и сам Виктор, он познакомился ещё курсантом, во время отпуска, и поженились они за год до его зачисления в отряд космонавтов — решение, которое Елена, по собственным её позднейшим признаниям, приняла, не вполне понимая, во что именно себя вовлекает: карьера военного лётчика предполагала переезды и разлуки, но карьера космонавта добавила к этому совершенно особый вид отсутствия

— месяцы предполётной изоляции перед стартом, полгода на орбите с коммуникацией, ограниченной видеосеансами связи по расписанию и письмами через наземные службы, и постоянное, фоновое осознание риска, о котором оба старались не говорить вслух чаще необходимого. Двое детей Виктора — сын и дочь — родились между его первой и второй экспедициями; старший сын первые отчётливые воспоминания об отце хранит в основном по видеозаписям сеансов связи с орбиты, а не по совместным будням, что сам Виктор, вернувшись из первого полугодового полёта, воспринял тяжелее, чем ожидал, — адаптация к земной гравитации тела заняла несколько недель, адаптация к роли присутствующего, а не отсутствующего отца заняла заметно дольше. Елена за эти годы выстроила собственный устойчивый быт, в котором отсутствие мужа было не исключением, а фоновым условием жизни семьи: детский сад и школу, лечение простуд, родительские собрания — всё это она вела сама, советуясь с мужем по спутниковой связи в лучшем случае раз в несколько дней и короткими сообщениями, если позволяла пропускная способность канала. Сообщество семей космонавтов в Звёздном городке, спаянное общей специфичностью положения, отчасти смягчало это одиночество: жёны немногочисленных членов отряда знали друг друга десятилетиями, помогали друг другу в бытовых и медицинских вопросах и разделяли тревогу в дни стартов и посадок, которую сложно было бы объяснить человеку со стороны.

Сама Елена признавалась, что самым тяжёлым временем в их браке были не месяцы полёта, а недели предполётной карантинной подготовки на Байконуре, когда муж формально ещё находился на земле, но уже был физически и организационно недоступен — закрытый режим карантина исключал даже обычные визиты, оставляя лишь редкие встречи через стекло. Эта особенность профессии, по её словам, научила всю семью ценить обычные, ничем не примечательные вечера дома гораздо острее, чем это свойственно семьям с более предсказуемым укладом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.